

велосипед, катал нас, ребят со всей улицы, по очереди к великому нашему восторгу. Мы играли в городки, лапту, пристенок (родители не разрешали) и играли в войну. Добровольно никто не соглашался быть фашистом и мы выбирали считалкой *«Царь-царевич, король-королевич, рабочий, портной...»*

Мы бегали на все фильмы о войне. Я кричала не своим голосом на весь кинозал, когда молодогвардейцев сбрасывали в шахту, когда Алек — сандр Матросов закрывал собой амбразуру дзота. Не помню, чтобы кто-то «шикал» на меня, — видимо, меня все понимали и сами глотали слезы.

Некоторым мальчишкам и девчонкам нашей округи повезло — отцы их вернулись с полей войны. И только тогда, когда я пошла в школу, обнаружила, что большая половина моих одноклассников на вопрос об отце отвечали: *«Погиб на фронте»*. А когда уже в Чкалове я пошла в третий класс, то у нас и вовсе из 21 ученика только у шестерых были отцы.

Мой отец по природе своей был просветителем, только ему не дали им быть, не использовали, что называется, по назначению, хорошо еще, что в 1937 году, когда они с мамой с узелком в руках ждали ночного визита, за ним каким — то чудом не пришли. Высокообразованный человек, папа обладал великолепной памятью. Нам не обязательно было при необходимости открывать словари, дома была своя энциклопедия, на любой вопрос по истории ли, по литературе, политике папа отвечал исчерпывающе. В нашем доме самой большой ценностью была прекрасная библиотека в три тысячи томов.

Мы все любили наши семейные вечера, когда мама что — то шила, бабушка штопала, а мы просто слушали как папа читал нам вслух. От него мы узнали о Бунине, Платонове, Булгакове, Ахматовой, Зощенко... и обо всем том, что составляло не простую и тяжелую жизнь, его собственную и всей нашей страны.

Папа стремился к тому, чтобы его дети были не просто образованными, мыслящими людьми, а чтобы принципы добра, надежности, ответственности, чуткости и порядочности были для нас незыблемы. С его любовью к поэзии С. Есенина мы впитывали и любовь к родной земле. Папа много знал наизусть стихов Пушкина, Лермонтова, Блока, любил сонеты Шекспира в переводах С. Маршака, но у меня остался в памяти его страстный голос, читающий монолог Хлопуши: — *«Сумасшедшая, бешеная кровавая муть! Что ты? Смерть? Иль исцеление калекам? Проведите, проведите меня к нему, Я хочу видеть этого человека...»*

Очень жалею, что мы не сохранили тот томик стихов С. Есенина, который папа пронес с собой через всю войну.

У меня были очень хорошие учителя в школе, я помню их благо — дарно, но неизмеримо больше получила я знаний и духовности от своих отца и матери. Я пользуюсь всем тем богатством, что они вложили в меня, до сих пор на седьмом десятке лет.

Я почитала своего отца и гордилась им. Копаясь в семейном архиве, нашла письмо однополчанина папы, адресованное маме и дати — рованное 1954 г., пожелтевший, ветхий листок. В нем, в частности, читаю: *«Ведь Георгий Степанович — это исключительно гуманнейший человек, человек кристаллической честности, оставивший о себе у всех нас самые добрые и лучшие впечатления...»* Я знала, что моих родителей любили и уважали, в доме нашем всегда было много людей.

Окончив школу, мы с подружкой без совета родителей, решили по — ехать на комсомольскую стройку, на строительство Гайского горно — обогатительного комбината и тут же получили путевки в Обкоме ком — сомолы. Мама слегла, папа молча ходил из угла в угол, я в отчаянии пролепетала что — то вроде того, что раз так, я никуда не поеду и услышала строгое папино: *«Нет, дорогая, решила, начала дело — доводи теперь его до конца!»*

С тех пор, как бы трудно мне ни было, я шла до конца. Поступая в Ленинграде в институт, дрожа как осиновый лист от одной только мысли, что 11 человек на место, я шла на каждый экзамен с думой: *«Сейчас вот дойду до угла Литейного и поверну назад»*, *«Сейчас дойду до угла Моховой и - все»*, Но вперед меня вела мысль об отце, и я все преодолела и вышла победительницей. Благодаря отцу для меня честь моего имени, честь фирмы, в которой я работаю, честь моей страны — не просто слова.

Когда сейчас я слушаю по телевизору или просто в разговорах глубокомысленные заявления бывалых людей о том, что любовь в конце концов проходит с годами, а остается привычка или что — то там еще, (по своему опыту судят обо всех), я думаю, как серо и буднично в их душах, они не изведали, должно быть, этого чувства вообще.

А вот моего отца, видимо, за широту и чистоту души природа одарила талантом любви. Он полюбил нашу маму, когда она была пионеркой, а он пионервожатым. Нет, не привычка двигала ими, когда они всегда и во всем подставляли друг другу плечо, были не рядом, а вместе во всех бедах и радостях, не привычка двигала отцом, когда он